

Секция «Психология»

Представления о будущем у молодых людей, жертв террористических актов (на примере Беслана).

Рамонова Алёна Александровна

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет психологии,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ramonovaalena@gmail.com

Посттравматические стрессовые расстройства у взрослых изучено относительно хорошо в сравнении с детьми и подростками. И, в отличие от посттравматической симптоматики у взрослых, у которых речь идет преимущественно, либо о временных невротических расстройствах, либо об устойчивых нарушениях по типу повреждения, в отношении подростков картина воздействия психотравматического фактора должна выглядеть значительно сложнее. В числе последствий пережитого насилия ряд авторов называют такое специфическое изменение картины времени как сокращение картины будущего.[4] Время имеет огромное значение в жизни человека и, следовательно, должно быть представлено на уровне личности, а его образ должен являться одной из ее интегральных сторон. И если это так, то особенности временной перспективы личности будут отражать особенности ее функционирования в целом.[1] Исходя из всего вышесказанного, представляется важным изучение картины будущего личности, так как искажения в ней могут привести к значимым нарушениям функционирования личности. И особенно важно понять, как травматическое событие влияет на нарушения в картине будущего. Лучшее понимание возможных искажений и нарушений будет способствовать разработке более эффективных программ помощи людям, этим и обуславливается актуальность выбора темы данной работы. Блокирование удовлетворения потребности в безопасности и отсутствие достаточных возможностей для социальной ориентировки человека в окружающей ситуации порождает повышение психической напряженности и неадекватное социальное поведение. [3] Все эти симптомы были отмечены нами у детей – заложников школы 1 г. Беслан. Результаты изучения особенностей психического состояния детей, жертв террористического акта в Беслане, в острый стрессовый период психической травмы, по данным рисуночного теста указывают на наличие у них (в сравнении с детьми контрольной группы) высокого эмоционального напряжения, страха, личностной тревоги, протестных стремлений, дезорганизации межличностного поведения, физического и эмоционального истощения и усталости.[4] Также исследовалось содержание страхов у детей, пострадавших в теракте. Содержание страхов в настоящем у детей основной и контрольной групп различается. Дети основной группы чаще, чем дети контрольной группы, боятся явлений социальных страхов, а также явлений природы, рептилий и земноводных. Они в большей мере чувствительны к социальным страхам (чужие люди, террористы). Содержание этих социально ориентированных страхов связано с опасением, что окружающие не примут участия в оказании помощи ребенку в присутствии непреодолимой и не имеющей рациональных механизмов воздействия силы. [5]

Нами было проведено сравнение средних значений по методике ценностных ориентаций Рокича для обеих групп, результаты представлены ниже. Исходя из этих данных,

мы можем говорить, что для молодых людей, имеющих травматический опыт нахождения в заложниках, возрастает ценность семьи и здоровья. Тогда как для контрольной группы большую ценность представляют высокие запросы, активная жизнь, т.е. ценности направленные больше во вне. И эта разница вполне логична, разумеется, что после событий 1-3 сентября у непосредственных участников возросла значимость того, что они чуть не потеряли; здоровье и семья. Из-за страха потери значимость этих ценностей возрастает.

Так же были выявлены нарушения эмоциональной сферы, которые проявлялись в нарастании тревожно-депрессивных переживаний, снижении уровня субъективной удовлетворенности, преобладании негативных переживаний над позитивными. В ряде случаев высокий уровень тревожности становится причиной деструктивных, агрессивных тенденций, которые в свою очередь, могут вызвать значительные затруднения в сфере межличностных отношений. Базовые убеждения личности относительно себя, окружающих людей и мира, претерпевают серьезные изменения; разрушаются привычные представления и схемы поведения.

Исходя из полученных нами данных, мы можем говорить, что для молодых людей, имеющих травматический опыт нахождения в заложниках, возрастает ценность семьи и здоровья. Тогда как для контрольной группы большую ценность представляют высокие запросы, активная жизнь, т.е. ценности направленные больше во вне. И эта разница вполне логична. Разумеется, что после событий 1-3 сентября у непосредственных участников возросла значимость того, что они чуть не потеряли здоровье и семья. Из-за опыта возможности потери значимость этих ценностей возрастает.

Группа заложников склонна абстрагироваться от прошлого опыта, избегать эмоционального контакта с ним и вместо этого направлять свои мысли и чувства на будущее. С точки зрения психоаналитической теории травмы, это может быть показателем непроработанной травмы, ее вытеснения.

Интерпретируя полученные данные мы предполагаем что, у группы молодых людей не имеющих в анамнезе травматического опыта выживания во время террористического акта, временная перспектива или субъективная картина будущего пролонгирована во времени, она более продолжительна в отличии от картины будущего, сложившейся у заложников. Это говорит о сокращении субъективной картины будущего, у травмированной группы респондентов.

На формирования образа будущего оказывает влияние прошлый опыт, т.е. если отношение к прошлому негативное, то тревожность относительно будущего возрастает. Людям сложнее говорить о будущем, думать о нем, контактировать с чувствами касательно прошлого.

Литература

1. Абульханова – Славская К.А., Березина К.А., *Время личности и время жизни.* М.,1994.
2. Л. А. Регуш *Психология прогнозирования: успехи в познании будущего.* Изд. "Речь СПб, 2003. 352 стр.

3. Ламедова Х.Б. Посттравматические личностные изменения у гражданских лиц // вопросы психологии 3, 2004/
4. Изотова М.Х, Сорокин В.М, «Эмоциональная сфера детей-жертв теракта» // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2009. вып.2, ч.1
5. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А, Психологические последствия террористического акта: Опыт Беслана. // Психологический журнал, 2008, т.29, 6